

05) Д.х.
3 148

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7-9

1947

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

7

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1947

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Кондрашѣв И. — С. М. Киров — организатор большевистского подполья в тылу у Деникина	3
Соловьѣв А., проф. — Великая, Малая и Белая Русь	24
Ленчнер С. — Прусский вопрос и Веймарская конституция	39
Войтинский Г., проф. — Политические отношения в Китае накануне революции 1925 — 1927 годов	50

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Полянский Ф. — Отношение цехов к капитализму в период их расцвета (XIII—XV вв.)	73
Каганова А. — Французская буржуазная революция конца XVIII в. и современная ей русская пресса	87
Удальцов А. Д., проф. — Происхождение славян	95
Стоянович Т. А., проф. — О молдаво-русских и румыно-русских отношениях	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Штейн Б., проф. — Документы британской внешней политики 1919 — 1939 гг., 2-я серия, т. I	105
Одложиллик Отакар, проф. — Сетон-Ватсон Р. История чехов и словаков, Томсон С. Чехословакия в европейской истории	110
Яцунский В. — Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселѣва, т. I	114
Чаадаева О. — Т. Треногова. Борьба петроградских большевиков за крестьянство в 1917 г.	120
Быстрых Ф. — Ф. Е. Мельников — Западный Урал в революции 1905—1907 гг.	122
Петров Ф., Селиванов В. — Фѣдоров А. Революционные восстания в Черноморском флоте в 1905 г.	124
Черепнин Л. — «Советская этнография», вып. 3	126
Бретаницкий Л. — Проф. А. А. Семѣнов. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии	128
Пичета В. , акад. — Тихомир Р. Джорджевич. Сербия сто лет назад	131
Тихомиров М., проф. — «Исторически преглед». Година втора. 1945—1946	133
Ерофеев Н. — Вилльямс Э. Капитализм и рабство. США. 1945	135
Голант В. — Оливер Читвуд и Франк Оусли. Краткая история американского народа	138
Рыковская О. — Ховде Б. Скандинавские страны 1720 — 1865 гг.	140

Библиография

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

С. Л. — «Советская этнография» № 4	149
А. И. — В Горьковском университете	149
Мельников Ф. — О работе исторических кафедр Молотовского государственного университета	150

Историческая наука за рубежом

Академик Владимир Иванович Пичета	157
--	-----

Штранге М.М. Французская революция 1789-1794 годов и разночинные слои русского общества

Штранге М.М. Русское общество и Великая французская революция

и другие тематические материалы в разделе

“Великая французская революция”

<http://istmat.info/node/31148>

А. Каганова

ФРАНЦУЗСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОНЦА XVIII в. И СОВРЕМЕННАЯ ЕЙ РУССКАЯ ПРЕССА.

В период французской революции в России выходило 30 газет и журналов. Однако в большинстве из них мы не найдём ни слова о революционных событиях во Франции. Сообщения о них помещали только старейшая русская правительственная газета «Санкт-петербургские Ведомости» и издававшийся Московским университетом «Московские Ведомости».

В одном из мартовских номеров «Московских Ведомостей» за 1790 г. появилось объявление о том, что в этом году в типографии Московского университета начнёт издаваться новый переподный ежемесячный журнал, где более полно будут печататься все иностранные известия. Это был «Политический журнал с показанием учёных и других вещей, издаваемый в Гамбурге обществом учёных мужей». Организатором и издателем этого переводного журнала в продолжение первых 10 лет был профессор Московского университета Павел Афанасьевич Сохоцкий.

В 1791 г. в той же типографии Московского университета начал выходить новый журнал «Магазин мод»¹. Журнал сообщал

«полезные» и «необходимые» сведения о модах и жизни высших слоёв общества различных европейских городов и между строк информировал своих читателей и о происходивших во Франции революционных событиях.

До 1789 г. материал в «иностранном отделе» русских газет обычно располагался по степени важности. Как правило, на первом месте печатались сообщения из соседних с Россией стран. Франции же уделялось сравнительно незначительное место. Но с середины 1789 г. почти все иностранные известия прямо или косвенно содержали сообщения о французских событиях, не исключая корреспонденций и заметок и из других европейских стран, которые тоже были заполнены «французскими смутами». По мере развёртывания революционных событий в Париже и возрастающего интереса к ним читателей «Ведомости», а вслед за ними и другие газеты стали помещать более подробные сообщения о Франции. Случалось, что после длинных и подробных описаний событий «Ведомости» приводили свою оценку их или другие замечания.

¹ Его полное название: «Магазин английских, французских и нозых немецких мод, описанных ясно и подробно и представленных гравированными на меди и иллюминированными рисунками; с присовокуплением описания образа жизни, публичных увеселений и время провождения в значительных городах Европы; приятных анекдотов и пр.».

С развитием революционных событий во Франции цензура в России становилась всё строже и строже. В 1791 г. составление «Санктпетербургских Ведомостей» было передано специально образованному при Академии наук Переводческому департаменту.

Ему было дано распоряжение «сократительно переводить о смутах во Франции ныне царствующих, и не упускать прибавлять известие или примечание, колико их коллобродство им самим вредно». При этом было также предписано, чтобы переводчики не смели ничего переводить или вносить от себя, что касалось: «1) до нашего двора и России вообще; 2) до союзников наших; 3) оскорбительного дзорам европейским и фамилиям оных»².

После казни французского короля и королевы Екатерина II распорядилась, чтобы в русское общество не проникали «легкомысленные» рассказы и анекдоты из жизни казнённых. Так, 4 ноября 1793 г. было объявлено через Д. П. Трошинского, что «Её императорское величество, видев в Берлинской газете, № 130, напечатанные многие анекдоты, касающиеся до жизни покойной королевы французской с некоторыми непристойными изображениями, высочайше указав соизволила дать знать её сиятельству (кн. Е. Р. Дашковой — директору Академии. — А. К.), чтобы типография Академии наук предостережена была, дабы подобные анекдоты не были вносены в газеты, ею издаваемые»³.

«Санктпетербургские Ведомости», будучи государственной русской газетой, сразу же взяли по отношению к революции враждебный тон, созвучный увеличивающемуся негодованию Екатерины и представителей русских официальных кругов. «Московские Ведомости» на этот путь стали не сразу. В первое время помещаемые ими корреспонденции носили относительно либеральный по сравнению с петербургской газетой характер.

Сообщения из Франции стали занимать большое места в «Ведомостях» примерно с января 1789 года. Выборы в Генеральные штаты, необычайные морозы той зимы, усилившийся в связи с неурожаем и спекуляцией голод — таковы были в это время неизменные темы большинства корреспонденций из Франции. В связи с предложением Неккера удвоить число депутатов от третьего сословия «Московские Ведомости» очень сочувственно отнеслись к тому, что «гражданство» будет «иметь столько же депутатов, сколько дворянство и духовенство вместе»⁴. Характерна при этом самая терминология петербургских и московских «Ведомостей». Так, буржуазию «Санктпетербургские Ведомости» именуют «мещанством», «Московские Ведомости» — «гражданством». Но та и другая газеты называют народные массы «чернью» и к их выступлениям относятся одинаково враждебно.

С мая 1789 г. в центре внимания «Ведомостей» стоят сначала созыв, а затем заседания Генеральных штатов. «Московские Ведомости» в отличие от петербургской газеты одобрительно отнеслись к предложению «гражданства» 10 июня 1789 г. соединить все сословия в единое собрание. 19 июня они сообщили своим читателям, что

депутаты третьего сословия «составили наконец национальное собрание».

Интересно отметить, как откликнулись обе газеты на взятие Бастилии. «Санктпетербургские Ведомости», сообщая об этом событии, не пожалели чёрных красок для описания деяний «извергов рода человеческого», «кровосжадной и безумной черни». «Московские Ведомости», описав в одном из номеров «волнение черни» в Париже, дали в следующем номере о взятии Бастилии пространную, занимающую более половины всего номера газеты корреспонденцию, в которой восхвалялись национальная гвардия и народ, бескорыстно охранявшие дом австрийского посланника. Однако тут же встречались и такие фразы: «Покроем завесой мрака таковые зверские и оскорбляющие человечество поступки необузданной черни»⁵.

Известная противоречивость взглядов «Московских Ведомостей» объяснялась тем, что либерально настроенное русское дворянство и особенно нарождающаяся буржуазия сочувственно отнеслись к национальной гвардии, образованной по цензовому принципу из крупной и средней буржуазии. Но те же либеральные слои русского общества были полны страха перед действиями «необузданной черни», нарушившей ещё так недавно, в годы крестьянского движения, руководимого Пугачёвым, их собственное мирное существование.

В следующих номерах «Московских Ведомостей» не было уже никакого намёка на былой либерализм. Вероятно, не без указаний свыше газета резко изменила свой тон и начала высказываться против революционного движения во Франции. Бесспорно, на изменение тона «Московских Ведомостей» повлияло отношение Екатерины (а вместе с ней и всей официальной России) к революционной Франции, которое после взятия Бастилии стало открыто враждебным. Вскоре после этого «Московские» и «Санктпетербургские Ведомости» начали печатать краткие сообщения о происходящих во Франции событиях, почти слово в слово повторяющие одно другое.

События 5—6 октября вызвали уже открытое негодование и «Московских» и «Санктпетербургских Ведомостей». В иностранном отделе обеих газет стали печататься письма эмигрантов, осуждающие «разбойничьи» деяния Национального собрания и пророчащие неминуемую гибель Франции.

С 1791 г. в центре внимания «Ведомостей» становится разработка самодержцами всего мира планов интервенции во Францию и сообщения из Кобленца о подготовке принцев и эмигрантов к выступлению против «мятежной Франции».

После революции 10 августа описание событий во Франции почти совсем заслоняется военными сводками, особенно многословно описывающими те из битв, в которых революционная армия несла поражения.

О казни Людовика XVI «Ведомости» сообщили своим читателям только в конце февраля 1793 года. В связи с опубликованием указа Екатерины о прекращении вся-

² Журнал Канцелярии Императорской Академии наук (ИАН) № 602 за 1791 год.

³ Журнал Канцелярии ИАН № 1061 за 1793 год.

⁴ «Московские Ведомости» № 1 за 1789 год.

⁵ Там же, № 64 за 1789 год.

ких сношений с Францией русские газеты вовсе перестали печатать какие-либо известия о французской революции. Они ни слова не поместили ни об установлении якобинской диктатуры, ни о термидорианском перевороте, ни о других событиях.

Екатерина II, видимо, считала замалчивание революции вернейшим способом ограждения России от «пагубного» влияния французской революции.

Примерно так же эволюционировало отношение к французской революции и других органов печати, в частности «Политического журнала». Так, в 1-й части этого журнала, за январь 1790 г., мы находим следующие строки: «В 1789 г... произошло в Европе начало новой эпохи человеческого рода. Со времени крестовых походов никогда ещё не было такой эпохи, как сия... Произошло... начало новой эпохи человеческого рода, эпохи поправления судьбы так называемых низших сословий,— угнетение самовольной властью, ограничение министерского и подминистерского деспотизма... 1789 г. учинился вечно незабвенным между годами многих столетий».

Взятие Бастилии расценивалось во 2-й части «Политического журнала» за февраль 1790 г. как «возвращение вольности Франции».

Но по мере нарастания революционной волны во Франции «Политический журнал» становился не только более умеренным, но открыто переходил на враждебную революции позицию. Это поправление прежде всего сказалось в печатаемых им ежегодных обзрениях, в частности в «обзрении» за 1794 год. Французская революция, по заявлению журеала,— уже не «начало новой эпохи человеческого рода», а «эпоха, которую кажется бог определил в наказание развратного человечества».

Однако если внимательно вчитаться в помещаемые в каждой части журнала сообщения, то можно увидеть, что резкие выпады иногда переплетались с выражением явной симпатии к революции. На страницах журнала встречались заверения составителей, что они «любят истинную вольность»⁶, и другие сочувственные заявления по адресу революции. Так, в декабре 1792 г. составители журнала писали: «Сколь сильно «Политический журнал» дело терпимости и вольности всех родов утверждал до 1789 г.! С каким участием представляемо было дело французского народа против прежних злоупотреблений правительства! Самый переворот 14 июля 1789 года описан, как такое происшествие, через которое Париж возвращает вольность целой Франции»⁷.

Конечно, «Политическому журналу» не всегда удавалось выражать своё сочувствие революции в открытой форме или при помощи эзоповского языка. Надо полагать, что цензура неоднократно делала замечания ре-

дакторам журнала. Составители его в том же номере журнала за 1792 г., в «исторических напоминаниях и замечаниях», подчёркивая свою «справедливость» в изложении событий, писали: «Мы принуждены были привести... в своё оправдание и защищение противу возводимого на нас пристрастия... дабы доказать совершенное беспристрастие и правильный суд сочинителей «Политического журнала»».

Очевидно, оправдывать и защищать себя редакции «Политического журнала» приходилось перед цензурой. Это обстоятельство в значительной степени и объясняет нам причину эволюции в отношении к французской революции, происшедшей в этом журнале.

Несмотря на все принятые правительством меры к ограждению русской прессы от проникновения в неё сведений о французской революции, они пробивали себе дорогу через менее всего предназначенные для этого издания. Так, например, в «Магазине английских, французских и немецких мод» за 1791 г. в письмах о французских модах содержались строки, рассказывающие о том или ином революционном событии, и при этом в них подчас проскальзывала почти нескрываемая симпатия к французам. Так, в письме из Парижа 4 марта 1791 г. корреспондент «Магазина мод», обстоятельно повествуя о новейшей парижской моде носить «карманное оружие: кинжалы, пистолеты и трости с саблями и шпагами», тут же, в «выноске», рассказывает о событии 28 февраля 1791 г. в Тюильрийском дворце — о столкновении дворянства и народа.

Даже самое описание мод служило той же цели. «Пунцовый цвет,— читаем мы в одном из номеров журнала,— есть всё ещё господствующий для всякой обшивки и ему соперником теперь есть одно только золотое, коим как малый убор, так и дамские платья обшиваются. Недавно появилась было здесь новая мода, т. е. обшивать платые чёрным и жёлтым цветом, и она наименована à la contre-révolution (на манер контрреволюции); но по причине близости её к фонарному столбу была оная немножко опасна, а потому скоро опять исчезла»⁸.

Если «Ведомости» всё время рассказывали своим читателям об «ужасной» и «несчастной» жизни во Франции, то «Магазин мод», напротив, уверял, что жизнь во Франции идёт обычным путём. В апреле 1791 г. в «Магазине мод» мы находим даже такое сообщение: «Парижские наши жители поют и танцуют, а парижанки наши убираются опять по-шегольски; это есть уже хорошее предвещение. Panem et Circenses, т. е. хлеба и зрелищ требовали некогда древние римляне. И то и другое имеем мы теперь здесь, и тем довольны, хотя многие колёса в государственной нашей машине скрипят, а некоторые и совсем не вернутся. На национальном нашем театре... представлена была третьего дня новая драма «La liberté conquise» (завоёванная свобода), кою публика наша упоена была до чрезвычайности, и так как англичанин поёт иногда в своём

⁶ «Политический журнал» за декабрь 1792 г. Ч. XII, стр. 6.

⁷ Там же, стр. 8.

⁸ Там же, стр. 6.

⁹ «Магазин мод», август 1791 года.

театре песню «God save the king» (бог да помилует короля), так и французы пели тут вышедшую по случаю революции новую поделку: «Sa ira, sa ira, sa ira...»¹⁰.

О том же примерно говорили и письмом из Парижа от 16 августа 1791 г.: «При всех угнетающих нас бедствиях не увидишь никаких признаков в весёлых наших беседах, в бесчисленных театрах, коими ныне по дозволению Национального собрания заводить театры всякому, кто сколько захочет, сия страна изобилует, в Пале-Рояле и на прогулках наших; да ежели бы Тюльерийский сад не был заперт, то почти и приметить бы невозможно было, что у нас что-то неладно»¹¹.

Этот же умеренный по отношению к революции тон отмечается и в «Месяцеслове» Академии наук за 1790 год. В Хронологических списках достопамятных происшествий за 1788 и 1789 гг. о французских событиях мы читаем: «Народное собрание в Версали имело достопамятное заседание, в котором дворянство, духовенство, гражданство и все прочие состояния отреклись от прежних своих привилегий; сверх сего вовсе уничтожены рабство, неравенство податей, тяжёлые пошлины и другие права, коими меньшая, но сильнейшая часть народа насчитывалась, но убогой части пользовалась; обнаружившиеся сначала в Париже беспокойства распространились по всему государству»¹².

Под влиянием страха перед распространением «революционной заразы» царское правительство стало на путь борьбы не только с газетами и журналами, но и ещё с одним из переносчиков этой «заразы» — с книгами. В первые же годы революции были запрещены произведения Вольтера и Руссо. Екатерина II в 1791 г. с возмущением писала, «что... продают такие книги, которые против закона» написаны, «как например Эмилии Руссо» и «много других подобных...» В связи с этим Екатерина отдала распоряжение Академии наук «иметь смотрение дабы в её книжных лавках такие непорядки не происходили, а прочим книжным продавцам приказывать ежегодно регистрировать в Академию наук и университет Московский... а оным местам вычёркивать в тех регистрах такие книги, которые против закона, доброго права и нас»¹³.

Цензура с каждым годом становилась всё строже¹⁴. Даже поступившие в Москве в

продажу французские календари были изъяты по приказу самой императрицы¹⁵.

Но несмотря на все мероприятия правительства, запрещённые книги продавали тайно, и их очень охотно раскулали русские читатели. Это вынудило московского главнокомандующего князя Прозоровского написать 20 мая 1792 г. императрице: «Осмеливаюсь, всемилостивейшая государыня, всеподданнейше просить вашего величества чтоб повелеть изволили положить границы книгопродавцам книг иностранных и отнять способы ещё на границах и при портах подобные сему книги вывозить, а паче из расстроенной ныне Франции, служащие только к заблуждению и разврату людей, не основанных в правилах честности... Я, — сообщал далее Прозоровский, — хотя все меры к сему взял, всемилостивейшая государыня, но довольно способов не достаёт совершенно сие удержать, паче потому, что они (книгопродавцы) таковые книги продают скрытно, а тем вводит многих в любопытство их покупать и без ошибки сказать... можно, что все какие только во Франции печатаются книги здесь скрытно купить можно»¹⁶.

Но интерес к происходившим во Франции событиям выражался в России не только в чтении запрещённых книг. Мемуары и литературные произведения русских современников французской революции отражают пристальное внимание к революционным событиям во Франции различных слоёв русского общества и дают возможность составить представление об их позиции в отношении буржуазной революции.

Большинство мемуаров и книг принадлежит представителям консервативных слоёв русского общества. Незначительность числа мемуаров и книг либерального направления объясняется, с одной стороны, тем, что принадлежаше к указанному направлению люди опасавшие открыто высказывать мысли, расходящиеся с официальными оценками тех или иных событий, а с другой — тем, что цензура не пропустила бы такие «крамольные» работы. В случаях, когда такие книги «по недосмотру цензуры» выходили в свет, они немедленно конфисковались и уничтожались. Такая участь постигла, например, как мы увидим из дальнейшего, «Новейшее повествовательное землеописание всех четырёх частей света». Ещё более «внушительное» впечатление на современников должно было произвести известное дело Радищева.

Авторы мемуаров обычно ограничивались только вскользь брошенными замечаниями по поводу французской революции. Видимо, они не всегда решались заносить на бумагу всё то, что думали по этому поводу. «Революционные события были ежедневным предметом разговора и жарких споров»¹⁷, — писал в своём дневнике масон Свербеев.

По словам С. Н. Глинки, интерес к чтению газет и журналов был настолько всеоб-

¹⁰ «Магазин мод», апрель 1791 года.

¹¹ Там же, октябрь 1791 года.

¹² «Месяцеслов на лето от рождества Христова 1790 г., сочинённый на значительнейшие места Российской империи». В Санкт-Петербурге при Императорской академии наук, стр. 105.

¹³ Оснадацатый век. Исторический сборник, стр. 392. М. 1868, кн. III.

¹⁴ Суд над Радищевым и Новиковым явился, по существу, первым и самым крупным в России судом по делу печати.

¹⁵ Письмо Екатерины II к кн. Прозоровскому, главнокомандующему Москвы. Русский Архив за 1872 г., стр. 574.

¹⁶ Летопись русской литературы и дрессности. т. V, стр. 411. М., 1863.

¹⁷ Записки Д. Н. Свербеева. Т. I, стр. 411. М. 1890.

чим, что даже директор кадетского корпуса гр. Ангальт счёл нужным для ознакомления кадетов с происходящими во Франции событиями завести для них нечто вроде «читальни», где находились заграничные периодические издания. «Граф Ангальт, — вспоминает Глинка, — не говорил нам ни о каких отдельных причинах переворота европейского, но чтобы ознакомить нас с тогдашними обстоятельствами, учредил в нашем зале нозый стол со всеми повременными заграничными известиями. В корпусе, а не по выходе из него, узнал я о всех лицах, действовавших тогда на обширном европейском театре»¹⁸. Пробудившийся интерес к революции не угас и позднее. Когда в 1794 году, в связи с усилившейся в стране реакцией, обстановка в корпусе изменилась и новый директор (Ангальт умер) убрал все французские и «заграничные газеты» и журналы, кадеты узнавали о событиях во Франции уже иным путём. Новый учитель французского языка, швейцарец Паш, «передавал... вести о французской революции». От Паша Глинка получил также текст «Марсельезы» и немедленно перевёл его на русский язык¹⁹.

Попытки русского правительства «замолчать» французскую революцию не увенчались успехом. Известия о французских событиях доходили не только до столичного, но и провинциального русского общества. Известный Болотов, живший тогда в городе Богородишке (Тульской губернии), перевёл из гамбургской газеты все относящиеся к казни Людовика XVI статьи. Составленную из переводов рукописную тетрадь у него брали читать многие соседи. По словам Болотова, поводом к этой работе послужило то, что «многие хотели читать, но не знали языка»²⁰. Видимо, с этой же целью Болотов занялся и переводом «Иртонаровой истории французской революции»²¹.

Есть указание, что Радищев даже в далёкой Сибири через гр. Воронцова получал французскую газету «Père Duchêne»²².

Интерес и симпатии к французской революции охватили совершенно различные слои русского общества. «Между офицерами гвардии, — писал Жанэ 8 ноября 1791 г., — парижские новости вызвали благоприятные отклики. Эти платонические соперники Лафайета аплодировали во французской комедии тем местам в «Свадьбе Фигаро», где имеются намёки на глупость солдат, позволяющих себя убивать, не зная за что»²³.

Даже вельможа А. М. Салтыкова считали одно зремя чуть ли не приверженцем якобинцев. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, А. М. Салтыков «пленился роскошью мыслей философов восемнадцатого века», а в годы революции превратился в её страстного

поклонника. «Во время революции, — писал Вигель, — превозносил он жирондистов, но так как в то время у нас не видели большой разницы между Барнавом и Робеспьером, то едва ли не прослыл якобинцем»²⁴.

Будущий министр Александра I, гр. В. П. Кочубей, признавался позднее, что в начале революции был её ревностным сторонником. В одном из писем к С. Р. Воронцову он утверждал, что «французы оставались наиболее любимой нацией»²⁵. В другом письме к С. Р. Воронцову гр. Кочубей писал: «Вы не можете себе представить, сколько зла сделала эта французская революция... Она имеет у нас, как и всюду, много сторонников»²⁶.

Наставник великого князя Александра Павловича, священник Самборский, писал гр. Н. И. Салтыкову: «Вольноглаголение о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспламеняемое примером Франции, предвещает нашему любезному отечеству наукажнейшее кровопролитие»²⁷.

И даже ненавидевший революцию Растопчин должен был признать, что она оказала большое влияние на Россию. «Вы будете поражены, — писал он Воронцову, — увидев у нас сотни молодых людей, которые достойны быть приёмными сыновьями Робеспьера и Дантона»²⁸.

Восторженное отношение значительного числа представителей русского общества, как известно, было отмечено в мемуарах Сегюра²⁹ и в донесениях Жанэ³⁰. О восторженных откликах на французскую революцию в России говорил в своём дневнике и Этьен Дюмон, «Я не расследовал, — писал Этьен Дюмон, — насколько французские идеи, со всем их преувеличением, пустили ростки в этой стране и ещё более, как мне сказывали, в Москве. Французская революция была принята со страстью: молодым людям она совсем вскружила голову, права человека стали всеобщим катехизисом; некоторые не стеснялись даже, когда Робеспьер был во главе правительства, выражать своё безграничное удивление и своё сочувствие революции. Мне называли даже знаменитых вельмож, важных помещиков, проповедывавших эту систему со всеми крайностями. Не следует поэтому удивляться, что Екатерина в конце своего царствования забила тревогу, сделалась подозрительной и боязливой и удвоила предосторожности своей тайной полиции»³¹.

Только единичные, наиболее реакционные представители русского общества не видели

¹⁸ Записки С. Н. Глинки, стр. 76. СПб. 1795.

¹⁹ Там же, стр. 115.

²⁰ Записки А. Т. Болотова, Т. IV, стр. 1077. СПб. 1873.

²¹ Там же, стр. 1110.

²² Веселовский «Западное влияние в новой русской литературе», стр. 106. М. 1916.

²³ Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France. «Russie», Vol. II, p. 520.

²⁴ Записки Ф. Ф. Вигеля, стр. 59, ч. II, М. 1891.

²⁵ Архив графа Воронцова. Т. XVIII, стр. 92.

²⁶ Там же, стр. 44.

²⁷ Haumont «La culture française en Russie (1700—1900)», p. 174. Paris. 1910.

²⁸ Архив гр. Воронцова. Т. VIII, стр. 297.

²⁹ Ségur «Mémoires ou souvenirs et anecdotes». Vol. II, p. 434. Paris. 1877.

³⁰ Recueil des Instructions. «Russie». Vol. II, p. 518—519.

³¹ Дюмон Э. Дневник. «Голос минувшего» за 1913 г., февраль — март, стр. 153.

и не хотели видеть того влияния, какое французская революция оказала на Россию. Так, князь Фёдор Николаевич Голицын уверял, что в России перед «...существованием на престол Павла всё было спокойно: хотя большая часть Европы от французского переворота воскобаладилась, у нас неприметно было никакой наклонности к переменам. Государыня спокойна царствовала, не страшилась якобинцев и их пагубных правил»³². Но из всего сказанного видно, что мнение Голицына не характерно. В то время, как Голицын считал, что столичное русское общество совершенно не реагировало на французскую революцию, Вигель увидел «грозные» следы её влияния даже в далёкой провинции, в Пензе. «Пусть смеются надо мной, а в низких и глупых беспорядках Пензы³³ я вижу глухой, невнятный отголосок 1789 года»³⁴, — отметил он в своих записках. Более того, по мнению Вигеля, «если б когда-нибудь (помилуй нас боже) до дна расколыхалась Россия, если б западные ветры надули на нас свирепую бурю, то первые её валы воздымались бдут в Пензе»³⁵.

В чём же авторы рассматриваемых мемуаров видели причины французской революции? При разрешении этого вопроса большинство не проявляло достаточной глубины. Так Ф. Н. Голицын полагал, что основной причиной «французского страшного переворота» явился «яд философов», «увеличивающийся в расположенных головах»³⁶. Этой же точки зрения придерживался и миссон Лопухин. «Я думаю, — писал он Кутузову, — что сочинения Волтеров, Дидро, Гельвеция и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали к нынешнему юродствованию в Франции»³⁷.

Иные авторы склонялись к тому, что немаловажной причиной возникновения французской революции явилась слабость Людовика XVI как монарха. Эта точка зрения, целиком соответствующая отношению Екатерины II к французскому королю, повидимому, была наиболее распространена среди близкой к правящим сферам части русского общества, считавшей поведение и положение Людовика XVI унижением для него. Гр. С. Р. Воронцов писал по этому поводу, что если бы он сам был на месте короля, он считал бы смерть за благодеяние: «Зависимость и унижение делают его существование невыносимым»³⁸.

Многие из авторов, вторя императрице, видели одну из причин революции в отдель-

ных людях. Так, знатный сановник того времени граф Александр Романович Воронцов писал, что если бы во Франции не было «таких злодеев, как последний герцог Орлеанский, Мирабо, Сийес и Робеспьер», то события пошли бы по-другому. Он полагал, что приход революции ускорили также «дурные советчики». А. Р. Воронцов писал: «Людовик XVI после смерти Людовика XV призвал старого министра Морепа», который «посоветовал королю отменить все учреждённые парламенты и восстановить старые... Людовик XVI последовал этому совету, что, конечно, не привело к добру. Возможно, что это было также одной из причин падения трона и революции, которую Франция испытала»³⁹.

Однако среди представителей консервативного общества нашлись всё же и такие, которые оказались в состоянии дать более глубокий анализ происходивших во Франции событий. К числу их относится гр. Семён Романович Воронцов. Сторонник так называемого «ancien régime», он прекрасно видел ту опасность, какую представляла революция для монархической Европы. В письме к брату А. Р. Воронцову он так оценивал революционные события: «Это не что иное, как борьба не на живот, а на смерть между имущими и теми, кто ничего не имеет, и так как первых гораздо меньше, то они в конце концов должны быть побеждены. Зараза будет повсеместной. Наша отдалённость на некоторое время нас предохранит; мы будем последние, но и мы будем жертвами этой всеобщей чумы. Вы и я её не увидим, но мой сын увидит. Я решил научить его какому-нибудь ремеслу, слесарному или столярному, на случай, когда его вассалы ему скажут, что он им больше не нужен, и что они хотят поделить между собой его земли — пусть он по крайней мере будет в состоянии зарабатывать хлеб своим трудом и иметь честь сделаться членом будущего муниципалитета в Пензе или в Дмитрове»⁴⁰.

Нашёлся, однако, такой мемуарист, который одну из причин французской революции видел в недовольстве народа существующим порядком вещей. Это был Винский. Отмечая пользу, которую принесло народу «научение», т. е. философия энциклопедистов, этот автор воспоминаний высказывал прямое сочувствие французскому народу, терпевшему до революции всякие притеснения от двух высших сословий — «богатого духовенства» и «высокомерного дворянства». «Научение, особенно словесность по мягкости и чистоте французского языка, протекти до последних состояний народа, открыли большей части глаза, дабы смотреть и видеть должностных особ, их деяния, их домогательства, в настоящем виде, следовательно, совсем не в том, в котором казалось их правительству. Злоупотребления богатого французского духовенства, наглое высокомерие высшего дворянства скоро открылись, как одинакий дух, и расположение с их сословий от них по естественному наклонению, несмущенно должно было коснуться престола. Сие время во

³² Записки кн. Ф. Н. Голицына. «Русский Архив» за 1874 г., тетр. 5, стр. 1307.

³³ Вигель имел в виду либерализм чиновников и отсутствие религиозных верований у некоторых жителей Пензы.

³⁴ Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. I, стр. 215.

³⁵ Там же.

³⁶ Записки кн. Ф. Н. Голицына. «Русский Архив» за 1874 г., тетр. 5, стр. 1290—1291.

³⁷ Переписка московских масонов XVIII в. за 1780—1792 годы. Под ред. Барскова, стр. 17. СПб. 1915; письмо Лопухина к Кутузову. Москва. 14 октября 1790 года.

³⁸ Архив гр. Воронцова. Т. IX, стр. 183; письмо С. Р. Воронцова А. Р. Воронцову, 9 ноября 1790 года.

³⁹ Там же. Т. V, стр. 70.

⁴⁰ Там же. Т. IX, стр. 267—268.

Франции можно было почесть брожением умов»⁴¹ или началом революции.

Нужно отметить, что Винский в оценке философов XVIII в. резко отличался от большинства своих современников-мемуаристов, считавших, как мы видели выше, энциклопедистов виновниками «юродствования» во Франции. В своих «Записках» Винский писал, что «если когда-нибудь настанут зрелые нравы, тогда великие умы XVIII столетия, истинные благодетели рода человеческого, получат всю принадлежащую им честь и признательность»⁴².

Подобно Екатерине II, многие авторы мемуаров считали, что в том обороте, который приняла французская революция, повинна Англия и более всего английский министр Питт, от которого якобы зависело прекратить революцию, подав надлежащую помощь вандейцам. Высказывавший такое мнение князь Ф. Н. Голицын считал, что Питтом двигала заинтересованность Англии в ослаблении французского государства, и предсказывал неизбежность крайнего истощения и ослабления Франции в результате пережитых ею во время революции бедствий⁴³.

Уделявший много внимания французским событиям граф С. Р. Воронцов писал: «Английское министерство безрасудно поверило, что конституционный король во французской земле возможен и по ограниченности своей власти будет менее опасен для Англии, чем король вроде Людовика XIV, вследствие чего здесь благоприятствовали вождям конституционной партии»⁴⁴. В одном из своих писем к брату А. Р. Воронцову о роли Питта в усилении «французских замешательств» и о существующих отношениях английского министра с французскими «законодателями» С. Р. Воронцов писал ещё более подробно: «Сей первый министр имеет потаённые сношения с тамошними журналистами, с главами якобинского клуба и с некоторыми членами Народного Собрания. В числе всех сих сумасбродных голов... суть Петлюн, Робеспьер, Редег, Брисот... Кондорсет и многие ещё другие»⁴⁵.

Таким образом, первые отклики в России на французскую революцию не всегда были исключительно враждебными, иногда они даже выливались в прямое сочувствие. Но по мере развёртывания событий во Франции неприязнь к революции обострялась всё больше и больше и перешла, наконец, в открытую ненависть. С содроганием пишет Болотов, читали русские известие «о бешенстве французских революционеров и казни ими своего доброго и невинного короля Людовика XVI»⁴⁶. С нескрываемым чувст-

вом ненависти писал о якобинцах и их «зло-вредных» и «гибельных для человеческого рода правилах»⁴⁷ и князь Ф. Н. Голицын.

Возможность распространения французской «заразы» у большинства русского дворянства вызвала страх. Некоторые находили недостаточными даже мероприятия Екатерины II по борьбе с революцией. Так, Болотов, порадовавшийся сначала по поводу изданного после казни Людовика XVI правительственного указа об «изгнании всех французов из нашего отечества», был вскоре возмущён тем, что присягнувшим на верность королю французам было разрешено оставаться в России⁴⁸. Граф же Е. Ф. Комаровский считал, что Екатерина II недостаточно помогала эмигрантам и принцам в их борьбе с революцией. Рассказывая о приезде гр. д'Артуа в Россию, Комаровский писал: «Он принят был со всевозможными почестями, ему давали много праздников, но возвратился, кажется, с одними пустыми обещаниями»⁴⁹. Вообще же, по мнению Комаровского, как и многих других представителей русского общества, русское правительство не должно было помогать французским эмигрантам. Граф С. Р. Воронцов, например, явно сожалел о деньгах, потраченных Екатериной II на эмигрантов. «Дорогие французские принцы поистине слишком дороги для нас»⁵⁰, — писал он из Ричмонда А. Р. Воронцову.

Неприязнь к французским эмигрантам звучит почти во всех русских мемуарах и письмах того времени. Большинство авторов сходилось на том, что, бежав из Франции и покинув своего короля, эмигранты поступали, как трусы. Директор кадетского корпуса гр. Ангальт во время осмотра корпуса графом д'Артуа сказал своим воспитанникам: «Королевские братья похожи на слуг, которые кричат, что дом их господина горит, и чем гасить его, они бегут»⁵¹. Расстопчун называл эмигрантов «именитыми бродягами». «Удивляюсь, — писал он С. Р. Воронцову, — как могут эти люди вынуждать искреннее участие. Я никогда не мог интересоваться ими иначе, как актёрами, разыгрывающими трогательную пьесу. Злодеи и глупцы остались на родине, — продолжал он, — а безумцы уехали для того, чтобы пополнить собою ряды шарлатанов этого света»⁵². Граф С. Р. Воронцов находил даже, что французские аристократы-эмигранты ничем не разнятся от «демократов», что в его устах являлось наихудшей бранью. «Разумеется, — писал он брату, — французские демократы ужасны; нужно стереть их с лица земли, этих кровопийц; однако не думай, чтобы аристократы были лучше их; они тоже постоянно гово-

⁴¹ Записки Винского. «Русский Архив» за 1877 г. Т. I, стр. 93.

⁴² Там же, стр. 87.

⁴³ Записки кн. Ф. Н. Голицына. «Русский Архив» за 1874 г., тетр. 5, стр. 1292—1293.

⁴⁴ Архив гр. Воронцова. Т. VIII. Автобиография, стр. 24.

⁴⁵ Архив гр. Воронцова. Т. IX, стр. 219. Письмо С. Р. Воронцова к А. Р. Воронцову из Ричмонда 23 декабря 1791 года.

⁴⁶ Записки А. Т. Болотова. Т. IV, стр. 1077. СПб. 1873.

⁴⁷ Записки кн. Ф. Н. Голицына. «Русский Архив» за 1874 г., тетр. 5-я, стр. 1291, 1296.

⁴⁸ Записки А. Т. Болотова. Т. IV, стр. 1078. СПб. 1873.

⁴⁹ Записки гр. Евграфа Фёдоровича Комаровского, сборник «Оснадцатый век», стр. 333. М. 1868.

⁵⁰ Архив гр. Воронцова. Т. IX, стр. 263.

⁵¹ Записки С. Н. Глинки, стр. 77. СПб. 1895.

⁵² Архив гр. Воронцова. Т. XVIII, стр. 70—79.

рят, что нужно колесовать и вешать их противников, не имея достойного мужества вступить с ними в открытую борьбу»⁵³.

В подавляющем большинстве вышедшие в России в 1789—1796 гг. книги о французской революции, как и мемуары, дают материал для характеристики отношения к ней реакционной части дворянства. Сочувственно откликнулось на французскую революцию только напечатанное в 1795 г. «Новейшее повествовательное землеописание всех 4-х частей света». Как видно из предисловия, авторами этой книги были некоторые из издателей «Беседующего гражданина»⁵⁴ и члены общества «Друзей словесных наук».

Излагая историю Франции накануне революции, авторы «Землеописания» утверждали, что все короли и их правители, начиная от Людовика XIII и Ришелье, стремились «власть короля увеличить уничтожением вольности и священных прав народа»⁵⁵.

Главную причину «перемены» во Франции авторы этой книги видели в экономическом упадке страны, порождённом расточительностью королевского двора: «Упадок доходов, причинённый несчастливим правлением Людовика XV, и который легкомыслие и расточительность министров и двора Людовика XVI, в его юность, привели до крайности, сделал, наконец, необходимым созыв чинов государства, яко последнее средство, к уврачеванию сего зла. Государственные чины воспользовались благоприятствующими обстоятельствами, в которых они находились, и просвещением своего времени к искоренению старых злоупотреблений и к сочинению для государства нового постановления»⁵⁶. Не вдаваясь в особую критику заявления о благотворном воздействии государственных чинов, авторы «Землеописания» довольно доброжелательно освещали

⁵³ Архив гр. Воронцова. Т. IX, стр. 313—314.

⁵⁴ Журнал «Беседующий гражданин» издавался Антановским. Деятельное участие в журнале принимали Радищев и члены общества «Друзей словесных наук». Можно полагать, что издатели «Землеописания» в некоторой степени продолжили традиции Радищева.

⁵⁵ «Новейшее повествовательное землеописание всех четырёх частей света с присовокуплением самого древнего учения о сфере». Ч. III, стр. 243. СПб. 1795.

⁵⁶ Там же, стр. 244.

«Постановления», т. е. конституцию. Даже казнь короля, установление республики и революционный террор не вызвали с их стороны ничего, кроме философских рассуждений на тему о «непостоянстве судьбы» и о людях, впадающих из одной тирании в другую. Вполне естественно, что эта пропущенная цензурой книга обратила вскоре на себя внимание правительства. В начале апреля 1796 г. последовало объявленное через генерал-прокурора Самойлова высочайшее повеление о запрещении продажи «Землеописания» и отобрании его у книгопродавцев. 7 апреля 1796 г. гр Самойлов писал московскому главнокомандующему Измайлову о том, что эта «книга содержит в себе вольные мысли и включает непозволительно смелые выражения; поэтому государыня императрица изволила приказать запретить продажу этой книги; а самую книгу отобрать от книгопродавцев и хранить все задержанные экземпляры в московской управе Благочиния»⁵⁷. Был допрошен бывший при рассмотрении книги цензор управы секунд-майор Князев. В своём показании Князев писал, что «противные закону» слова при рассмотрении были «вымараны, а после сочинителем поновлены или прибавлены после... подписания»⁵⁸ цензора.

Таким образом, благожелательно оценивавшее французскую революцию «Землеописание» было немедленно изъято. Отсюда можно с уверенностью полагать, что если в России и были некоторые авторы, относившиеся к французской революции, более или менее сочувственно, как и издатели «Землеописания», то они, безусловно, не решились высказывать свои мысли публично.

Однако ни суд над Радищевым и Новиковым, ни запрещение «Землеописания», ни дело поручика Фёдора Кречетова⁵⁹, ни другие преследования и репрессии со стороны правительства Екатерины II не могли подавить стремления к борьбе с самодержавием и угнетением народа, значительно усилившегося под влиянием событий и идей французской революции в передовых слоях русского общества.

⁵⁷ В. Соцкий. «Запрещённые при Екатерине Великой книги». «Русский Архив» за 1912 г., стр. 252.

⁵⁸ Там же, стр. 255.

⁵⁹ Под влиянием французской революции и идей просветителей Кречетовым была составлена программа преобразования России. См. Центральный Архив Древних Актов, раздел VII, № 2813, «Дело Фёдора Кречетова».